

# МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА<sup>1</sup>

Л. В. Родионова, А. Я. Троцкий

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена анализу постоянных и временных миграций населения Алтайского края в контексте интеграции социально-экономического пространства. Описаны внутрорегиональные, межрегиональные и международные миграционные связи; выявлены факторы и механизмы, детерминирующие их масштабы, интенсивность и результативность; показана специфика влияния различных видов миграции на развитие интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве. В области обмена населением с другими регионами России край выступает донором, что ограничивает его демографический потенциал как для собственного развития, так и для развития интеграционных процессов в других сферах. Международные миграции характеризуются расширением пространства миграционных взаимодействий, усложнением его структуры и положительным миграционным балансом со странами ближнего зарубежья на протяжении всего исследуемого периода. Внутрикравые миграции отличаются сосредоточением населения в крупных городах и окружающих их сельских районах. В результате происходит фрагментация внутреннего социально-экономического пространства. В динамике анализируемых взаимодействий выделено четыре этапа, два из которых (1990–1994 и 2010–2013 гг.) характеризуются усилением миграционных связей, и два других (1995–2009 и 2014–2020 гг.) их ослаблением. Сделан вывод о расширяющемся пространстве межрегиональных миграционных взаимодействий и особо значимой роли регионов Сибири в этом процессе.

**Ключевые слова:** миграция населения, миграционные связи и взаимодействия, социально-экономическое пространство, механизмы интеграции пространства, регион.

## POPULATION MIGRATION AS A MECHANISM FOR FORMING INTEGRATED SOCIO-ECONOMIC SPACE

L. V. Rodionova, A. Ya. Trotskovsky

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

This article is devoted to the analysis of permanent and temporary migrations of the Altai Region population in the context of the socio-economic space integration. Intraregional, interregional and international migration links were described; factors and mechanisms that determine their scale, intensity and effectiveness were identified; specificity of the influence of the various migration types on the development of integration processes in the socio-economic space was shown. In the field of population exchange with other regions of Russia, the region acts as a donor, which limits its demographic potential both for its own development and for the development of integration processes in other areas. International migrations were characterized by the expansion of the migration interactions space, the complexity of its structure and the positive migration balance with neighboring countries throughout the study period. Intra-regional migrations were characterized by the concentration of the population in large cities and surrounding rural areas. As a result, there was a fragmentation of the internal socio-economic space. Within the dynamics of the analyzed interactions, four stages were distinguished, two of which (1990–1994s and 2010–2013s) were characterized by an increase in migration ties, and the other two (1995–

---

<sup>1</sup> Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» № 121040100279–5.

---

2009s and 2014–2020s) by their weakening. The conclusion about the expanding space of interregional migration interactions and especially significant role of Siberian regions in this process was made.

**Keywords:** population migration, migration links and interactions, socio-economic space, space integration mechanisms, region.

**М**етодологические основы анализа. В социально-экономическом пространстве<sup>1</sup> население выполняет ключевую функцию по развитию процессов кооперации и интеграции. Одновременно оно выступает и как объект, и как субъект межрегиональных взаимодействий. Необходимость таких взаимодействий в первом случае продиктована ограниченными возможностями отдельных регионов в решении задач формирования и использования человеческого капитала, а во втором — тем обстоятельством, что сами взаимодействия осуществляются исключительно благодаря социально-экономической активности населения непосредственно или опосредовано через деятельность формальных и неформальных организаций.

Важнейшим механизмом формирования интегрированного социально-экономического пространства является миграция. С одной стороны, в результате территориальной мобильности населения происходят процессы сближения регионов, взаимопроникновения их экономик, достижения синергетических эффектов и выравнивания региональных уровней жизни. Связанность социально-экономического пространства усиливается через формирование единого рынка труда и межрегиональный переток знаний и умений, распространение новых технологий и перераспределение доходов, развитие новых социальных сетей. С другой стороны, миграция населения может привести и к негативной трансформации пространства, его сжатию, размыванию целостности, закреплению неравенств. Так, в регионах с миграционной убылью населения истощаются человеческие ресурсы для развития их экономики и социальной сферы, сохранения и тем более усиления межрегиональных связей, преодоления отставания в развитии. Значительные территории в них нередко обезлюдяются и выпадают из освоенного социально-экономического пространства [6].

**Специфика миграционных взаимодействий Алтайского края на разных этапах постсоветского развития.** С начала 1990-х гг. в межрегиональном движении населения произошли качественные сдвиги. Они проявились в изменении характера, структуры, масштабов и интенсивности миграци-

онных связей, асимметрии встречных миграционных потоков, появлении новых направлений, видов и механизмов миграции.

Миграционные процессы в Алтайском крае в сравнении с Россией и Сибирью имеют определенную специфику. Она проявляется в повышенной миграционной активности населения. Так, по нашей оценке, в 2015–2020 гг. коэффициент интенсивности миграционного оборота здесь был на 11 и 14% выше среднероссийского и средне-сибирского показателей. Это было обусловлено многими причинами, в частности, более низким уровнем жизни в крае, аграрным перенаселением, приграничным статусом региона. Другой особенностью миграционных взаимодействий края является преобладание в миграционных потоках северо-восточного направления, в то время как россияне и сибиряки в целом преимущественно переселяются на запад и юг страны. Кроме того, край характеризуется долговременной миграционной убылью населения на фоне положительного миграционного баланса, наблюдаемого в Российской Федерации.

Динамика валовой миграции в Алтайском крае отличается крайне неустойчивыми тенденциями. За последнее тридцатилетие периоды ее роста и снижения неоднократно сменяли друг друга. При этом направленность межрегиональных перемещений прибывших и выбывших преимущественно совпадала (рис. 1).

Картина пространственного движения населения Алтайского края во многом схожа с движением населения в Российской Федерации и Сибирском федеральном округе [7, 8]. Здесь можно выделить четыре этапа, качественно различающихся по основным характеристикам и влиянию миграции на формирование интегрированного пространства.

Первый этап охватывает 1990–1994 гг. Он характеризуется расширением и усилением миграционных связей, значительным ростом числа прибывших в Алтайский край, падением выбывших и, как следствие, небывалым миграционным приростом населения (свыше 26 тыс. человек в 1994 г.), сменившим его многолетнюю механическую убыль. В эти годы наблюдался преимущественный переток населения из новых центральноазиатских

<sup>1</sup> В научной литературе на протяжении многих лет ведется дискуссия о сущности социально-экономического пространства [1–5]. Не останавливаясь подробно на её содержании, в нашем исследовании социально-экономическое пространство рассматривается как совокупность взаимодействующих территориальных систем макро-, мезо- и микроуровней.

государств на Алтай. В механизмах этих миграций преобладали национально-этнические факторы, появились беженцы и вынужденные переселенцы. В то же время по социально-экономическим причинам имели место: массовый (около 10 тыс. человек в год) переезд алтайских немцев в Германию; ухудшение межрегиональных миграционных связей — сокращение прибывших и рост выбывших в регионы РФ, включая СФО; атипичные процессы

в сельско-городской миграции — преобладающее переселение городских жителей края в алтайское село. Этот этап совпал по времени с началом трансформационного кризиса и распадом Советского Союза, которые в значительной степени и предопределили развитие и усиление интеграционных связей Алтайского края с регионами Сибири и России, странами ближнего зарубежья и Германии в области обмена населением [9].



Источник: данные Росстата.

Рис. 1. Миграция в Алтайском крае, тыс. человек

Второй этап объединяет 1995–2009 гг. Он отличается ослаблением миграционных связей Алтайского края. Это проявилось в непрерывном снижении брутто-миграции как в кризисные годы, так и в годы экономического подъема, лавинообразном сокращении положительной нетто-миграции и коэффициента интенсивности чистой миграции в 1995 г. (в три раза), неуклонном падении миграционного прироста в следующем пятилетии и качественном сдвиге в 2001 г. — смене на механическую убыль. Отмеченные процессы распространялись на все виды территориальных перемещений населения: внутрикраевые, межрегиональные и международные. Сокращение миграционных взаимодействий в эти годы было обусловлено относительным ухудшением социально-экономических условий проживания в крае, частичным использованием миграционного потенциала соседних государств и переориентацией определенной части зарубежных мигрантов на выезд в Новосибирскую и Кемеровскую области — регионы с более высоким уровнем жизни. Определенное влияние на сокращение объемов отображаемой в статистике миграции оказал переход в 1995 г. от системы обязательной прописки, на которой базировался учет мигрантов,

к системе регистрации по месту пребывания и месту жительства [10].

Третий этап распространяется на 2010–2013 гг. Для него характерно расширение пространства миграционных взаимодействий на фоне экономического роста. Возросло количество территорий, вовлеченных в эти взаимодействия. Объемы межрегиональных миграций и миграций со странами ближнего зарубежья увеличились более чем в два раза, значительно выросла их интенсивность, особенно коэффициентов выбытий в регионы России. Результативность межрегиональных перемещений населения для края была отрицательной, а межгосударственных — положительной. В результате неэквивалентного обмена населением с российскими регионами Алтайский край потерял в эти годы более 40 тыс. человек, а с новыми постсоветскими государствами — приобрел 19 тыс. человек. Рост миграционных взаимодействий был связан с неравномерностью выхода отдельных территорий на траекторию роста, углублением межрегиональных неравенств, а также отложенными миграциями в предыдущие годы. Изменение методики учета мигрантов в 2011 г. также отразилось на показателях их динамики [11].

Четвертый этап включает 2014–2020 гг. В это время преобладала тенденция сокращения взаимодействий Алтайского края в другими регионами в области обмена населением. В целом объем внешней для края миграции в рассматриваемый период сократился на четверть, интенсивность миграционных связей также снижалась, а их результативность со знаком минус до 2018 г. росла, а затем тоже снижалась. Положительный миграционный баланс по-прежнему сохранялся только со странами ближнего зарубежья, но его было недостаточно для компенсации межрегиональной механической убыли населения. Отмеченные миграционные процессы происходили на фоне затухающих темпов роста и стагнации экономики. Существенное, иногда разнонаправленное влияние на изменение миграционной активности населения на данном этапе также оказывали рост доходов и социального расслоения между регионами, политические и экономические санкции и наши ответные меры, обострение межнациональных отношений в постсоветских государствах и угроза международного терроризма и, наконец, коронавирусная эпидемия и значительные ограничения на пространственное передвижение населения. По данным Алтайкрайстата, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. межрегиональные миграции сократились на 15%, а международные — на 27%.

**Влияние внутрирегиональных, межрегиональных и международных миграций на формирование интегрированного пространства.** Наиболее интенсивные миграционные взаимодействия наблюдались во внутрикраевом движении населения. Ежегодно в них участвовало более сорока тысяч человек, и на протяжении всего исследуемого периода их доля в общем миграционном обороте превышала 50%. По этим показателям край является одним из лидеров в Сибирском федеральном округе. В динамике внутрикраевых миграций преобладала тенденция их сокращения за исключением нескольких лет (1991, 1995, 1999, 2010–2013 гг.). В большей степени эти миграции определялись движением сельского населения, нежели городского, а в их механизмах преобладали социально-экономические факторы. В ходе внутренней миграции большинство сельских территорий и малых городов края теряли свое население. Так, в 2020 г. во внутрикраевых миграциях лишь в 11 из 59 сельских районов края и в 6 городах (из 10) отмечался механический прирост населения, на других же территориях наблюдалась миграционная убыль населения. Наибольшей интенсивностью миграционной убыли отличались территории с наименьшей плотностью населения. В результате внутрирегиональных миграционных взаимодействий происходила концентрация на-

селения в крупных городах и прилегающих к ним сельских районах и, как следствие, сокращение народонаселения на периферийных территориях, сжатие и фрагментация внутреннего социально-экономического пространства.

Наблюдаемая картина миграционных взаимодействий Алтайского края в целом была детерминирована внешними миграциями. В среднем годовом исчислении около 60% этих миграций приходилось на межрегиональный обмен населением с другими субъектами Российской Федерации. Масштабы последнего оцениваются 28–52 тыс. человек в год, а результативность для края (начиная с 1997 г.) — как отрицательная. При этом максимальная механическая убыль населения отмечалась в 2013 г. (12 тыс. человек).

В межрегиональных миграциях край теряет наиболее молодое, трудоактивное и образованное население. В 2015–2019 гг. на 100 человек в трудоспособном возрасте, прибывающих в край из других регионов России, в обратном направлении выбывало от 128 до 143 человек соответствующего возраста, а на 100 прибывающих с высшим образованием выбывало от 152 до 160 человек с таким же образованием. В 2020 г. в связи со значительным сокращением трудовых миграций соотношение встречных потоков по качественным характеристикам несколько улучшилось, но оно по-прежнему оставалось крайне негативным для края. Вымывание этой категории населения приводит к усилению половозрастных диспропорций в структуре населения края, дефициту квалифицированных кадров, сокращению учащихся в сфере образования и призывного контингента, обезлюдению значительных территорий, потере социального контроля над ними и как следствие — к сжатию социально-экономического пространства.

По данным Алтайкрайстата, более половины всех межрегиональных перемещений населения Алтайского края приходится на миграцию с субъектами РФ, расположенными в Сибири. Традиционно наиболее тесные связи здесь наблюдаются с ближайшими соседями — Новосибирской и Кемеровской областями, Республикой Алтай, а также с Тюменской областью. Среднегодовой миграционный оборот с ними в 2018–2020 гг. превышал 3 тыс. человек, и на эти регионы приходилось более 75% от валовой миграции с регионами Сибири. Значительные потоки населения отмечают между Алтайским и Красноярским краем, а также между Алтайским краем и Томской областью. Со всеми другими регионами Сибири миграционные связи характеризуются как умеренные или слабые. Валовая миграция с ними не превышала 1000 человек в год, от 215 человек с Республикой Тыва до 896 человек с Омской областью (табл. 1).

Таблица 1

**Основные характеристики механического движения населения между Алтайским краем и регионами Сибири в 2018–2020 гг. в среднем за год**

Регионы	Миграционный оборот, чел.	Удельный вес в миграционном обороте Сибири, %	Миграционный прирост, чел.	Коэффициент миграционного прироста, ‰	Коэффициент эффективности миграции, %
Сибирь	27250	100,0	-2349	-1,01	-8,62
Республика Алтай	3622	13,3	10	0,00	0,28
Республика Тыва	215	0,8	-16	-0,01	-7,44
Республика Хакасия	311	1,1	-32	-0,01	-10,29
Красноярский край	2424	8,9	-206	-0,09	-8,50
Иркутская область	606	2,2	94	0,04	15,51
Кемеровская область	4762	17,5	-312	-0,13	-6,55
Новосибирская область	8938	32,8	-1625	-0,70	-18,18
Омская область	896	3,3	105	0,05	11,72
Томская область	1876	6,9	23	0,01	1,23
Тюменская область	3165	11,6	-432	-0,19	-13,65
Забайкальский край	435	1,6	41	0,02	9,43

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Особой привлекательностью у жителей Алтайского края пользуются столичные регионы — Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область. В последнее трехлетие миграционный оборот с ними превышал 5 тыс. и 3 тыс. чел. в среднегодовом исчислении соответственно, а миграционная убыль — 1,3 тыс. и 0,9 тыс. человек.

Почти для всех российских регионов, наиболее сильно связанных миграционными потоками с Алтайским краем, последний выступает в качестве донора населения, что в значительной степени обусловлено социально-экономическими факторами. Эти регионы характеризуются более высокими доходами, наличием более престижных вакантных рабочих мест, большими возможностями для решения жилищных проблем, лучшими условиями для охраны здоровья и проведения досуга. Создавая относительно качественный человеческий ресурс, край проигрывает конкурентную борьбу за его использование, и тем самым все больше усиливает свою экономическую отсталость и ограничивает свои возможности интеграции в социально-экономическое пространство России и Сибири.

Объемы международных миграций в рассматриваемый период были более скромными и отличались значительной вариацией. Среднегодовой их оборот был в 1,5 и 2,5 раза меньше по сравнению с межрегиональной и внутрикраевой миграцией, а соотношение максимальных и минимальных годовых значений превышало 11. Характерными особенностями международных миграционных взаимодействий Алтайского края являлись: абсо-

лютное преобладание в миграционных потоках миграций со странами ближнего зарубежья; масштабный отток (до 12 тыс. человек в год) алтайских немцев в Германию, особенно в начале периода; положительный миграционный баланс в течение исследуемого периода с государствами, возникшими на постсоветском пространстве. В структуре международных связей Алтайского края по поводу обмена населением доля миграций со странами ближнего зарубежья составляла более 90%. При этом наибольшей интенсивностью отличались миграционные взаимодействия с Казахстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Половина всех этих миграций приходилась на Казахстан. В их механизмах значительную (а иногда и определяющую) роль играли национально-этнические факторы. Динамика международных миграций и их влияние на развитие интеграционных процессов во многом совпадали с движением общей миграции и направлениями ее воздействия на интеграцию социально-экономического пространства.

Выделим субъекты РФ и страны ближнего зарубежья, наиболее тесно связанные миграционными потоками с Алтайским краем. К ним отнесем те регионы и страны, среднегодовой миграционный оборот с которыми в 2018–2020 гг. превышал 3 тыс. человек. Доминантами среди них выступают Новосибирская область со среднегодовой валовой миграцией 9 тыс. человек, Республика Казахстан (8 тыс. человек) и Кемеровская область (5 тыс. человек). Эти миграции имеют глубокие исторические корни. Почти за три столетия совместного развития в рамках одного государства



и одних административно-территориальных образований сформировалось единое правовое, социальное, экономическое и этнокультурное пространство, включающее сопредельные регионы Сибири и Казахстана с традиционной ориентацией на Россию и устойчивыми интеграционными связями, которые, несмотря на все системные трансформации и кризисы последнего тридцатилетия, сохранились до наших дней (табл. 2).

Таблица 2

**Самые активные субъекты миграционного взаимодействия с Алтайским краем**

Регион	Миграционный оборот, чел.
г. Москва и Московская область	4871
г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	3029
Тюменская область	3165
Новосибирская область	8938
Кемеровская область	4962
Республика Алтай	3622
Республика Казахстан	7699

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

В целом внешние миграции населения Алтайского края по-разному влияли на формирование интегрированного пространства. Интеграционные связи в области обмена населением в пределах России и со странами дальнего зарубежья были для края преимущественно отрицательными, а со странами ближнего зарубежья — положительными. В первом случае край терял население, а во втором — приобретал.

**Временные трудовые миграции как механизм развития интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве.** Наряду с безвозвратными миграциями, определенный и постоянно расширяющийся вклад в формирование и развитие интегрированного социально-экономического пространства как внутри региона, так и за его пределами вносят временные трудовые миграции. По данным социологических опросов, в разные годы в трудовых миграциях участвовало от 2 до 8% сельчан и от 2 до 10% — горожан. Со временем масштабы трудовых возвратных миграций в крае увеличивались. Среди опрошенных мигрантов преобладали мужчины и лица в младшем и среднем трудоспособном возрасте (до 45 лет). Они отличались повышенным по сравнению со среднекраевым уровнем образования, около 70% трудовых мигрантов имели на момент опроса высшее и среднее профессиональное образование. В их профессиональной структуре пре-

обладали продавцы, водители, предприниматели, преподаватели, инженеры, строители.

Основными сферами приложения труда мигрантов являлись торговля, строительство, охраняемый бизнес. Кроме того, трудовые мигранты Алтай работали на нефте- и газодобывающих предприятиях Тюменской области, металлургических и угледобывающих предприятиях Кузбасса, а также в рыбной отрасли Дальнего Востока. Виды трудовой деятельности этой категории мигрантов разнообразны. Назовем некоторые из них: грузоперевозки, добыча нефти, ремонт мостов, штукатурно-малярные и электромонтажные работы, установка витрин, закупка и реализация товаров, разработка компьютерных программ, оказание медицинских услуг, чтение лекций, проведение психологических тренингов, выступление с концертами, организация туристических поездок, работа в кафе и ресторанах и другие. Более половины респондентов работали на выезде по специальности.

Подавляющая часть сельчан выезжали на работу в города края. Широкое распространение среди них получили маятниковые миграции, которые со второй половины 2000-х гг. увеличились в разы. По оценкам руководителей пригородных сельсоветов ежедневно на работу в Барнаул из их сел выезжает до половины работающих жителей [12]. География поездок горожан была более разнообразна. Они выезжали в соседние и отдаленные регионы России, страны ближнего и дальнего зарубежья. В целом более 70% временных трудовых миграций приходилось на внутрисоюзное экономическое пространство. При этом максимальной притягательной силой для выездных работников из края, так же как и для невозвратных мигрантов, обладали Новосибирская и Кемеровская области. Из зарубежных стран наибольшей популярностью пользовались Казахстан, Китай, Турция, Германия, Греция и Польша.

**Заключение.** Проведенный анализ постоянных и временных миграций Алтайского края в 1990–2020 гг. позволил сделать вывод о расширяющемся пространстве миграционных взаимодействий. В их динамике в целом выделяются четыре этапа, два из которых (1990–1994 и 2010–2013 гг.) характеризуются усилением миграционных связей, а два других (1995–2009 и 2014–2020 гг.) — их ослаблением. В области межрегиональных миграций особо значимую и со временем возрастающую роль играют регионы Сибири. Это свидетельствует о расширении и усилении взаимодействия с сибирскими регионами в сфере обмена человеческим капиталом. Однако для большинства из них край выступает донором населения, что ограничивает его возможности для собственно-

го развития и интеграции в других областях. Главные отличия международных миграций заключаются в расширении пространства миграционных взаимодействий, усложнении его структуры и положительном миграционном балансе со странами ближнего зарубежья на протяжении всего исследуемого периода. Для внутрикраевых миграций характерно сосредоточение населения в крупных

городах и окружающих их сельских районах за исключением кризисных деформаций в отдельные годы. И как результат — фрагментация внутреннего социально-экономического пространства. Временные или возвратные трудовые миграции также вносят значимый, постоянно расширяющийся и усиливающийся вклад в формирование интегрированного пространства.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Минакир П. А. Стратегия пространственного развития в интерьере концепций пространственной организации экономики // *Пространственная экономика*. 2018. №4. С. 8–20.
2. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // *Регион: экономика и социология*. 2009. №2. С. 166–182.
3. Кулешов В. В., Селиверстов В. Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // *Регион: экономика и социология*. 2017. №4 (96). С. 3–24.
4. Лукин Е. В. Тенденции развития социально-экономического пространства России // *Экономика территорий*. 2014. Вып. 7 (17). С. 1–8.
5. Иванов О. И. Экономическое пространство как объект управляемой трансформации (взгляд социолога) // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2015. №8. С. 32–38.
6. *Migration theory, talking across disciplines* / C. Bretell, J. Hollified (eds). New York — London, 2014. 356 p.
7. Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В. Миграция и демографический кризис в России. М., 2010. 94 с.
8. Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографический потенциал Сибири // *Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири* / под ред. акад. РАН В. В. Кулешова. Новосибирск, 2010. С. 53–95.
9. *Миграция сельской молодежи: в фокусе Алтайский край* / под ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2019. 325 с.
10. Чудиновских О. С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // *Вопросы статистики*. 2010. №6. С. 8–16.
11. Мкртчян Н. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. №1. С. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.
12. Сергиенко А. М., Родионова Л. В. Социальная триада: демография — занятость — доходы в алтайских селах // *ЭКО*. 2020. №1. С. 138–165. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-1-138-165.

## REFERENCES

1. Minakir P. A. Spatial development strategy in the interior of the concepts of the spatial organization of the economy // *Spatial economy*. 2018. No. 4. Pp. 8–20.
2. Granberg A. G. On the program of fundamental studies of the spatial development of Russia // *Region: Economics and Sociology*. 2009. No. 2. Pp. 166–182.
3. Kuleshov V. V., Seliverstov V. E. The role of Siberia in the spatial development of Russia and its positioning in the spatial development strategy of the Russian Federation // *Region: Economics and Sociology*. 2017. No. 4 (96). Pp. 3–24.
4. Lukin E. V. Trends in the development of the socio-economic space of Russia // *Economics of the territories*. 2014. Vol. 7 (17). Pp. 1–8.
5. Ivanov O. I. Economic space as an object of controlled transformation (sociologist's view) // *Economics and Business: Theory and Practice*. 2015. No. 8. Pp. 32–38.
6. *Migration theory, talking across disciplines* / C. Bretell, J. Hollified (eds). New York — London, 2014. 356 p.
7. Zayonchkovskaya Zh. A., Tyuryukanova E. V. Migration and demographic crisis in Russia. M., 2010. 94 p.

8. Soboleva S. V., Chudaeva O. V. Demographic potential of Siberia // The Formation of a favorable dwelling conditions in Siberia / ed. by Acad. V. V. Kuleshov. Novosibirsk, 2010. Pp. 53–95.

9. Migration of rural youth: Altai territory is in focus / ed. by A. M. Sergienko. Barnaul, 2019. 325 p.

10. Chudinovskikh O. S. The current state of migration statistics in Russia: new opportunities and unsolved problems // Questions of Statistics. 2010. No. 6. Pp. 8–16.

11. Mkrtchyan N. Problems in the statistics of internal Russian migration generated by the change in the accounting methodology in 2011 // Demographic Review. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.

12. Sergienko A. M., Rodionova L. V. The Social Triplet: Demography — Employment — Income in Altai Villages // ECO. 2020. No. 1. Pp. 138–165. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-1-138-16.

Поступила в редакцию: 07.06.2022.

Принята к печати: 30.06.2022.

---